ВОЛЬТЕР

КАНДИД, ИЛИ ОПТИМИЗМ

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер
Кандид, или Оптимизм
Серия «Великие идеи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838503
Кандид, или Оптимизм: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095597-8

Аннотация

«Кандид, или Оптимизм» – известнейшее произведение философа, просветителя, знаменитого острослова Вольтера. Сатира на современников, созданная в период Семилетней войны, пережила века и сейчас воспринимается не столько как пародийный рассказ о реальных событиях, сколько как философская притча о бессилии разума перед массовой глупостью и жадностью, порождающими вооруженные противостояния, а также как насмешка над теми, кто надеется остаться в стороне от происходящего.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

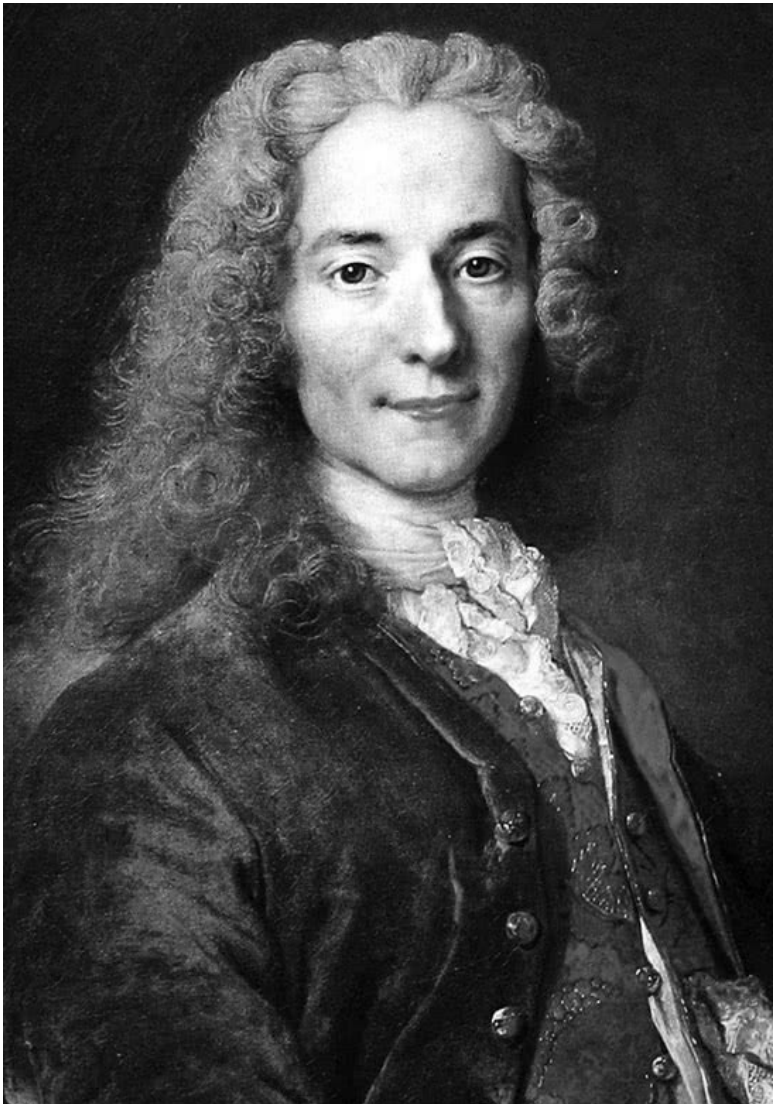
«Все жанры хороши, кроме скучного» 7
Предисловие 10
Глава первая 12
Глава вторая 16
Глава третья 20
Глава четвертая 24
Глава пятая 29
Глава шестая 33
Глава седьмая 35
Глава восьмая 38
Глава девятая 44
Глава десятая 47
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Вольтер
Кандид, или Оптимизм

Устами одного из своих героев, Панглосса, Вольтер с иронией называет окружающий человека мир:

1. Волшебным.
2. Созданным самим человеком.
3. Лучшим из возможных миров.
4. Самым страшным из возможных миров.

Правильный вариант вы сможете узнать, прочитав эту книгу…



Вольтер
(1694-1778)

«Все жанры хороши, кроме скучного»

Биография Франсуа-Мари Аруэ – именно таково настоящее имя Вольтера – была полна самых непредсказуемых поворотов: поэт, драматург, юрист, коллекционер, предприниматель, близкий друг многих сильных мира сего. Кабинетным ученым он отнюдь не был.

Кстати, почему сын чиновника, готовившийся стать правоведом, взял себе псевдоним «Вольтер»? Одна из популярных версий – молодой человек просто поменял местами слоги в названии городка Эрво, расположенного неподалеку от его родового гнезда в Пуату: Airvault – vault-air – Voltaire.

Родившийся в ноябре 1694 года, Вольтер стал практически ровесником века Просвещения – а впоследствии и его символом. Его произведения, написанные легко, ярко и остроумно, были нацелены против церкви и религиозного фанатизма, абсолютной власти королей и юридического произвола… Но в то же время французский мыслитель выступал против атеизма и утверждал, что наилучшим вариантом государства является просвещенная монархия, когда правитель опирается на «просвещенную» часть общества.

И его произведения – трагедии, оды, философские романы – ярко демонстрировали взгляды автора. Напомним, что

именно благодаря Вольтеру в мире появился еще один синоним понятия «вольнодумец» – таких людей стали называть «вольтерьянцами». Согласитесь, это немало!

21 ноября 1694 – в Париже родился Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер).

1704 – Аруэ поступил в иезуитский колледж, впоследствии изучал юриспруденцию.

1717 – молодой человек попадает в Бастилию за сатирические стихи в адрес регента герцога Орлеанского.

1718 – большой успех имеет пьеса «Эдип». Франсуа-Мари Аруэ начинает использовать псевдоним «Вольтер».

1726-1729 – Вольтер живет в Англии. Его впечатления о парламентарных традициях были описаны в «Философских письмах», запрещенных впоследствии.

1746 – Вольтер становится придворным историографом и поэтом, но карьере помешали «политическая неблагонадежность» и острый язык.

1752 – написана философская повесть «Микромегас», ставшая важным шагом на пути развития жанра научной фантастики.

1758 – философ приобретает поместье Ферне, которое вскоре получает славу «приюта просвещенной интеллигенции».

1758-1759 – написание и первые публикации произведения «Кандид, или Оптимизм».

1762 – первое официальное издание пародийной поэмы

«Орлеанская девственница».

1778 – переезд в Париж.

30 мая 1778 – Вольтер скончался в Париже.

Предисловие

Повесть «Кандид, или Оптимизм», которая получила бешеный успех у читателей и стала едва ли не первым в истории литературы международным бестселлером, не пользовалась, что удивительно, любовью самого автора. Вольтер много раз отрекался от собственного произведения. Иногда причину видят в том, что «Кандид» был заклеймен Римско-католической церковью и вошел в «Индекс запрещенных книг», – но Вольтеру было не привыкать к подобным запретам. Философ именовал свою книгу «безделкой» и, судя по всему, просто не относился к ней серьезно.

На самом деле «Кандид» всколыхнул целый пласт социальных и философских проблем середины XVIII века. Непритязательный сюжет о странствиях по миру юноши Кандида и его любви к прелестной Кунигунде – лишь основа, на которой Вольтер возводит целую систему обвинений в адрес государства, служителей церкви, военных чинов… Достается от него и своему же брату ученому и философу: так ли оправдан оптимизм Кандида и его учителя Панглосса? Так ли прекрасен окружающий нас мир и действительно ли в нем ценятся благородство и простодушие? Всегда ли философия дает нам поддержку в трудную минуту или иногда она оборачивается ничего не стоящим пустословием?

«Царит на земле зло или добро?» – ответ на этот главный

вопрос, заданный Вольтером на страницах «Кандида», зависит и от личного выбора каждого читателя…

Глава первая

Как был воспитан в прекрасном замке Кандид и как он был оттуда изгнан

В Вестфалии, в замке барона Тундер-тен-Тронка, жил юноша, которого природа наделила наиприятнейшим нравом. Вся душа его отражалась в его лице.

Он судил о вещах довольно здраво и очень простосердечно; поэтому, я думаю, его и звали Кандидом. Старые слуги дома подозревали, что он – сын сестры барона и одного доброго и честного дворянина, жившего по соседству, за которого эта девица ни за что не хотела выйти замуж, так как у него в родословной числилось всего лишь семьдесят одно поколение предков, остальная же часть его генеалогического древа была погублена разрушительной силой времени.

Барон был одним из самых могущественных вельмож Вестфалии, ибо в замке его были и двери и окна; главная зала даже была украшена шпалерами. Дворовые собаки в случае необходимости соединялись в свору; его конюхи становились егерями; деревенский священник был его великим милостынераздавателем. Все они называли барона монсеньором и смеялись, когда он рассказывал о своих приключениях.

Баронесса, его супруга, весила почти триста пятьдесят фунтов; этим она внушала величайшее уважение к себе. Она

исполняла обязанности хозяйки дома с достоинством, которое еще больше увеличивало это уважение. Ее дочь, Кунигунда, семнадцати лет, была румяная, свежая, полная, аппетитная. Сын барона был во всем достоин своего отца. Наставник Панглосс был оракулом дома, и маленький Кандид слушал его уроки со всем чистосердечием своего возраста и характера.

Панглосс преподавал метафизико-теолого-космологонигологию. Он замечательно доказывал, что не бывает следствия без причины и что в этом лучшем из возможных миров замок владетельного барона – прекраснейший из возможных замков, а госпожа баронесса – лучшая из возможных баронесс.

– Доказано, – говорил он, – что все таково, каким должно быть; так как все создано сообразно цели, то все необходимо и создано для наилучшей цели. Вот, заметьте, носы созданы для очков, потому мы и носим очки. Ноги, очевидно, назначены для того, чтобы их обувать, вот мы их и обуваем. Камни были сотворены для того, чтобы их тесать и строить из них замки, и вот монсеньор владеет прекраснейшим замком: у знатнейшего барона всего края должно быть наилучшее жилище. Свиньи созданы, чтобы их ели, – мы едим свинину круглый год. Следовательно, те, которые утверждают, что все хорошо, говорят глупость, – нужно говорить, что все к лучшему.

Кандид слушал внимательно и верил простодушно; он на-

ходил Кунигунду необычайно прекрасной, хотя никогда и не осмеливался сказать ей об этом. Он полагал, что после счастья родиться бароном Тундер-тен-Тронком вторая степень счастья – это быть Кунигундой, третья – видеть ее каждый день и четвертая – слушать учителя Панглосса, величайшего философа того края и, значит, всей земли.

Однажды Кунигунда, гуляя поблизости от замка в маленькой роще, которая называлась парком, увидела между кустарниками доктора Панглосса, который давал урок экспериментальной физики горничной ее матери, маленькой брюнетке, очень хорошенькой и очень покладистой. Так как у Кунигунды была большая склонность к наукам, то она, притаив дыхание, принялась наблюдать без конца повторявшиеся опыты, свидетельницей которых она стала. Она поняла достаточно ясно доказательства доктора, усвоила их связь и последовательность и ушла взволнованная, задумчивая, полная стремления к познанию, мечтая о том, что она могла бы стать предметом опыта, убедительного для юного Кандида, так же как и он – для нее.

Возвращаясь в замок, она встретила Кандида и покраснела; Кандид покраснел тоже. Она поздоровалась с ним прерывающимся голосом, и смущенный Кандид ответил ей что-то, чего и сам не понял. На другой день после обеда, когда все выходили из-за стола, Кунигунда и Кандид очутились за ширмами.

Кунигунда уронила платок, Кандид его поднял, она

невинно пожала руку Кандида. Юноша невинно поцеловал руку молодой баронессы, но при этом с живостью, с чувством, с особенной нежностью; их губы встретились, и глаза их горели, и колени подгибались, и руки блуждали. Барон Тундер-тен-Тронк проходил мимо ширм и, уяснив себе причины и следствия, здоровым пинком вышвырнул Кандида из замка. Кунигунда упала в обморок; как только она очнулась, баронесса надавала ей пощечин; и было великое смятение в прекраснейшем и приятнейшем из всех возможных замков.

Глава вторая

Что произошло с Кандидом у болгар

Кандид, изгнанный из земного рая, долгое время шел, сам не зная куда, плача, возводя глаза к небу и часто их обращая к прекраснейшему из замков, где жила прекраснейшая из юных баронесс. Он лег спать без ужина посреди полей, между двумя бороздами; снег падал большими хлопьями. На другой день Кандид, весь иззябший, без денег, умирая от голода и усталости, дотащился до соседнего города, который назывался Вальдбергоф-Трарбкдикдорф. Он печально остановился у двери кабачка. Его заметили двое в голубых мундирах.

– Приятель, – сказал один, – вот статный молодой человек, да и рост у него подходящий.

Они подошли к Кандиду и очень вежливо пригласили его пообедать.

– Господа, – сказал им Кандид с милой скромностью, – вы оказываете мне большую честь, но мне нечем расплатиться.

– Ну, – сказал ему один из голубых, – такой человек, как вы, не должен платить; ведь ростом-то вы будете пять футов и пять дюймов?

– Да, господа, мой рост действительно таков, – сказал Кандид с поклоном.

– Садитесь же за стол. Мы не только заплатим за вас, но

еще и позаботимся, чтобы вы впредь не нуждались в деньгах. Люди на то и созданы, чтобы помогать друг другу.

– Верно, – сказал Кандид, – это мне и Панглосс всегда говорил, и я сам вижу, что все к лучшему.

Ему предложили несколько экю. Он их взял и хотел внести свою долю, ему не позволили и усадили за стол.

– Вы, конечно, горячо любите?..

– О да, – отвечал он, – я горячо люблю Кунигунду.

– Нет, – сказал один из этих господ, – мы вас спрашиваем, горячо ли вы любите болгарского короля?

– Вовсе его не люблю, – сказал Кандид. – Я же его никогда не видел.

– Как! Он – милейший из королей, и за его здоровье необходимо выпить.

– С большим удовольствием, господа!

И он выпил.

– Довольно, – сказали ему, – вот теперь вы опора, защита, заступник, герой болгар. Ваша судьба решена и слава обеспечена.

Тотчас ему надели на ноги кандалы и угнали в полк. Там его заставили поворачиваться направо, налево, заряжать, прицеливаться, стрелять, маршировать и дали ему тридцать палочных ударов. На другой день он проделал упражнения немного лучше и получил всего двадцать ударов. На следующий день ему дали только десять, и товарищи смотрели на него как на чудо.

Кандид, совершенно ошеломленный, не мог взять в толк, как это он сделался героем. В один прекрасный весенний день он вздумал прогуляться и пошел куда глаза глядят, полагая, что пользоваться ногами в свое удовольствие – неотъемлемое право людей, так же как и животных. Но не прошел он и двух миль, как четыре других героя, по шести футов ростом, настигли его, связали и отвели в тюрьму. Его спросили, строго следуя судебной процедуре, что он предпочитает: быть ли прогнанным сквозь строй тридцать шесть раз или получить сразу двенадцать свинцовых пуль в лоб. Как он ни уверял, что его воля свободна и что он не желает ни того ни другого, – пришлось сделать выбор. Он решился, в силу божьего дара, который называется свободой, пройти тридцать шесть раз сквозь строй; вытерпел две прогулки. Полк состоял из двух тысяч солдат, что составило для него четыре тысячи палочных ударов, которые от шеи до ног обнажили его мышцы и нервы.

Когда хотели приступить к третьему прогону, Кандид, обессилев, попросил, чтобы уж лучше ему раздробили голову; он добился этого снисхождения. Ему завязали глаза, его поставили на колени. В это время мимо проезжал болгарский король; он спросил, в чем вина осужденного на смерть; так как этот король был великий гений, он понял из всего доложенного ему о Кандиде, что это молодой метафизик, несведущий в делах света, и даровал ему жизнь, проявив милосердие, которое будет прославляемо во всех газе-

тах до скончания века. Искусный костоправ вылечил Кандида в три недели смягчающими средствами, указанными Диоскоридом. У него уже стала нарастать новая кожа, и он уже мог ходить, когда болгарский король объявил войну королю аваров.

Глава третья

Как спасся Кандид от болгар, и что вследствие этого произошло

Что может быть прекраснее, подвижнее, великолепнее и слаженнее, чем две армии! Трубы, дудки, гобои, барабаны, пушки создавали музыку столь гармоничную, какой не бывает и в аду. Пушки уложили сначала около шести тысяч человек с каждой стороны; потом ружейная перестрелка избавила лучший из миров не то от девяти, не то от десяти тысяч бездельников, осквернявших его поверхность. Штык также был достаточной причиной смерти нескольких тысяч человек. Общее число достигало тридцати тысяч душ. Кандид, дрожа от страха, как истый философ, усердно прятался во время этой героической бойни.

Наконец, когда оба короля приказали пропеть «Te Deum»[1] каждый в своем лагере, Кандид решил, что лучше ему уйти и рассуждать о следствиях и причинах в каком-нибудь другом месте. Наступая на валявшихся повсюду мертвых и умирающих, он добрался до соседней деревни; она была превращена в пепелище. Эту аварскую деревню болгары спалили согласно законам общественного права. Здесь искалеченные ударами старики смотрели, как умирают их израненные жены,

---

[1] «Te Deum» – первые слова благодарственной молитвы «Тебя, Господи, славим.» (лат.).

прижимающие детей к окровавленным грудям; там девушки со вспоротыми животами, насытив естественные потребности нескольких героев, испускали последние вздохи; в другом месте полусожженные люди умоляли добить их. Мозги были разбрызганы по земле, усеянной отрубленными руками и ногами. Кандид поскорее убежал в другую деревню; это была болгарская деревня, и герои-авары поступили с нею точно так же. Все время шагая среди корчащихся тел или пробираясь по развалинам, Кандид оставил наконец театр войны, сохранив немного провианта в своей сумке и непрестанно вспоминая Кунигунду.

Когда он пришел в Голландию, запасы его иссякли, но он слышал, будто в этой стране все богаты и благочестивы, и не сомневался, что с ним будут обращаться не хуже, чем в замке барона, прежде чем он был оттуда изгнан из-за прекрасных глаз Кунигунды.

Он попросил милостыни у нескольких почтенных особ, и все они ответили ему, что если он будет и впредь заниматься этим ремеслом, то его запрут в исправительный дом и уж там научат жить.

Потом он обратился к человеку, который только что битый час говорил в большом собрании о милосердии. Этот проповедник, косо посмотрев на него, сказал:

– Зачем вы сюда пришли? Есть ли у вас на это уважительная причина?

– Нет следствия без причины, – скромно ответил Кан-

дид. – Все связано цепью необходимости и устроено к лучшему. Надо было, чтобы я был разлучен с Кунигундой и изгнан, чтобы я прошел сквозь строй и чтобы сейчас выпрашивал на хлеб в ожидании, пока не смогу его заработать; все это не могло быть иначе.

– Мой друг, – сказал ему проповедник, – верите ли вы, что папа – антихрист?

– Об этом я ничего не слышал, – ответил Кандид, – но антихрист он или нет, у меня нет хлеба.

– Ты не достоин есть его! – сказал проповедник. – Убирайся, бездельник, убирайся, проклятый, и больше никогда не приставай ко мне.

Жена проповедника, высунув голову из окна и обнаружив человека, который сомневался в том, что папа – антихрист, вылила ему на голову полный. О небо! До каких крайностей доводит женщин религиозное рвение!

Человек, который не был крещен, добросердечный анабаптист по имени Яков, видел, как жестоко и постыдно обошлись с одним из его братьев, двуногим существом без перьев, имеющим душу; он привел его к себе, пообчистил, накормил хлебом, напоил пивом, подарил два флорина и хотел даже пристроить на свою фабрику персидских тканей, которые выделываются в Голландии.

Кандид, низко кланяясь ему, воскликнул:

– Учитель Панглосс верно говорил, что все к лучшему в этом мире, потому что я неизмеримо более тронут вашим

чрезвычайным великодушием, чем грубостью господина в черной мантии и его супруги.

На следующий день, гуляя, он встретил нищего, покрытого гнойными язвами, с потускневшими глазами, искривленным ртом, провалившимся носом, гнилыми зубами, глухим голосом, измученного жестокими приступами кашля, во время которых он каждый раз выплевывал по зубу.

Глава четвертая

Как встретил Кандид своего прежнего учителя философии, доктора Панглосса, и что из этого вышло

Кандид, чувствуя больше сострадания, чем ужаса, дал этому похожему на привидение страшному нищему те два флорина, которые получил от честного анабаптиста Якова. Нищий пристально посмотрел на него, залился слезами и бросился к нему на шею. Кандид в испуге отступил.

– Увы! – сказал несчастливец другому несчастливцу, – вы уже не узнаете вашего дорогого Панглосса?

– Что я слышу? Вы, мой дорогой учитель, вы в таком ужасном состоянии! Какое же несчастье вас постигло? Почему вы не в прекраснейшем из замков? Что сделалось с Кунигундой, жемчужиной среди девушек, лучшим творением природы?

– У меня нет больше сил, – сказал Панглосс.

Тотчас же Кандид отвел его в хлев анабаптиста, накормил хлебом и, когда Панглосс подкрепился, снова спросил:

– Что же с Кунигундой?

– Она умерла, – ответил тот.

Кандид упал в обморок от этих слов; друг привел его в чувство с помощью нескольких капель уксуса, который случайно отыскался в хлеву. Кандид открыл глаза.

– Кунигунда умерла! Ах, лучший из миров, где ты? Но от какой болезни она умерла? Не оттого ли, что видела, как я

был изгнан из прекрасного замка ее отца здоровым пинком?

– Нет, – сказал Панглосс, – она была замучена болгарскими солдатами, которые сперва ее изнасиловали, а потом вспороли ей живот. Они размозжили голову барону, который вступился за нее; баронесса была изрублена в куски; с моим бедным воспитанником поступили точно так же, как с его сестрой; а что касается замка, там не осталось камня на камне – ни гумна, ни овцы, ни утки, ни дерева; но мы все же были отомщены, ибо авары сделали то же с соседним поместьем, которое принадлежало болгарскому вельможе.

Во время этого рассказа Кандид снова лишился чувств; но, придя в себя и высказав все, что было у него на душе, он осведомился о причине, следствии и достаточном основании жалкого состояния Панглосса.

– Увы, – сказал тот, – всему причина любовь, – любовь, утешительница рода человеческого, хранительница мира, душа всех чувствующих существ, нежная любовь.

– Увы, – сказал Кандид, – я знал ее, эту любовь, эту властительницу сердец, эту душу нашей души; она подарила мне один только поцелуй и двадцать пинков.

Как эта прекрасная причина могла привести к столь гнусному следствию? Панглосс ответил так:

– О мой дорогой Кандид, вы знали Пакету, хорошенькую служанку высокородной баронессы; я вкушал в ее объятьях райские наслаждения, и они породили те адские муки, которые, как вы видите, я сейчас терплю. Она была заражена и,

быть может, уже умерла. Пакета получила этот подарок от одного очень ученого францисканского монаха, который доискался до первоисточника заразы: он подцепил ее у одной старой графини, а ту наградил кавалерийский капитан, а тот был обязан ею одной маркизе, а та получила ее от пажа, а паж от иезуита, который, будучи послушником, приобрел ее по прямой линии от одного из спутников Христофора Колумба. Что касается меня, я ее не передам никому, ибо я умираю.

– О Панглосс, – воскликнул Кандид, – вот удивительная генеалогия! Разве не диавол – ствол этого дерева?

– Отнюдь нет, – возразил этот великий человек, – это вещь неизбежная в лучшем из миров, необходимая составная часть целого; если бы Колумб не привез с одного из островов Америки болезни, заражающей источник размножения, часто даже мешающей ему и, очевидно, противной великой цели природы, – мы не имели бы ни шоколада, ни кошенили; надо еще заметить, что до сего дня на нашем материке эта болезнь присуща только нам, как и богословские споры. Турки, индейцы, персы, китайцы, сиамцы, японцы еще не знают ее; но есть достаточное основание и им узнать эту хворь, в свою очередь, через несколько веков. Меж тем она неслыханно распространилась среди нас, особенно в больших армиях, состоящих из достойных, благовоспитанных наемников, которые решают судьбы государств; можно с уверенностью сказать, что когда тридцать тысяч человек сражаются против войска, равного им по чис-

ленности, то тысяч двадцать с каждой стороны заражены сифилисом.

– Это удивительно, – сказал Кандид. – Однако вас надо вылечить.

– Но что тут можно сделать? – сказал Панглосс. – У меня нет ни гроша, мой друг, а на всем земном шаре нельзя ни пустить себе кровь, ни поставить клистира, если не заплатишь сам или за тебя не заплатят другие.

Услышав это, Кандид сразу сообразил, как ему поступить: он бросился в ноги доброму анабаптисту Якову и так трогательно изобразил ему состояние своего друга, что добряк, не колеблясь, приютил доктора Панглосса; он его вылечил на свой счет. Панглосс от этого лечения потерял только глаз и ухо. У него был хороший слог, и он в совершенстве знал арифметику. Анабаптист Яков сделал его своим счетоводом. Когда через два месяца Якову пришлось поехать в Лиссабон по торговым делам, он взял с собой на корабль обоих философов.

Панглосс объяснил ему, что все в мире к лучшему. Яков не разделял этого мнения.

– Конечно, – говорил он, – люди отчасти извратили природу, ибо они вовсе не родятся волками, а лишь становятся ими: господь не дал им ни двадцатичетырехфунтовых пушек, ни штыков, а они смастерили себе и то и другое, чтобы истреблять друг друга. К этому можно добавить и банкротства, и суд, который, захватывая добро банкротов, обездоли-

вает кредиторов.

– Все это неизбежно, – отвечал кривой философ. – Отдельные несчастья создают общее благо, так что, чем больше таких несчастий, тем лучше.

Пока он рассуждал, вдруг стало темно, задули со всех четырех сторон ветры, и корабль был застигнут ужаснейшей бурей в виду Лиссабонского порта.

Глава пятая

Буря, кораблекрушение, землетрясение и что случилось с доктором Панглоссом, Кандидом и анабаптистом Яковом

Половина пассажиров, ослабевших, задыхающихся в той невыразимой тоске, которая приводит в беспорядок нервы и все телесное устройство людей, бросаемых качкою корабля во все стороны, не имела даже силы тревожиться за свою судьбу. Другие пассажиры кричали и молились. Паруса были изорваны, мачты сломаны, корабль дал течь. Кто мог, работал, никто никому не повиновался, никто не отдавал приказов. Анабаптист пытался помочь в работе; он был на палубе; какой-то разъяренный матрос сильно толкнул его и сшиб с ног, но при этом сам потерял равновесие, упал за борт вниз головой и повис, зацепившись за обломок мачты. Добрый Яков бросается ему на помощь, помогает взобраться на палубу, но, не удержавшись, сам низвергается в море на глазах у матроса, который оставляет его погибать, не удостоив даже взглядом. Кандид подходит ближе, видит, что его благодетель на одно мгновение показывается на поверхности и затем навеки погружается в волны. Кандид хочет броситься в море, философ Панглосс его останавливает, доказывая ему, что Лиссабонский рейд на то и был создан, чтобы этот анабаптист здесь утонул. Пока он это доказывал a priori, корабль затонул, все погибли, кроме Панглосса, Кандида и того гру-

бого матроса, который утопил добродетельного анабаптиста. Негодяй счастливо доплыл до берега, куда Панглосс и Кандид были выброшены на доске. Немного придя в себя, они направились к Лиссабону; у них остались еще деньги, с помощью которых они надеялись спастись от голода, после того как избавились от бури.

Едва успели они войти в город, оплакивая смерть своего благодетеля, как вдруг почувствовали, что земля дрожит под их ногами. Море в порту, кипя, поднимается и разбивает корабли, стоявшие на якоре; вихри огня и пепла бушуют на улицах и площадях, дома рушатся; крыши падают наземь, стены рассыпаются в прах. Тридцать тысяч жителей обоего пола и всех возрастов погибли под развалинами. Матрос говорил, посвистывая и ругаясь:

– Здесь будет чем поживиться.

– Хотел бы я знать достаточную причину этого явления, – говорил Панглосс.

– Наступил конец света! – восклицал Кандид.

Матрос немедля бежит к развалинам, бросая вызов смерти, чтобы раздобыть денег, находит их, завладевает ими, напивается пьяным и, проспавшись, покупает благосклонность первой попавшейся девицы, встретившейся ему между разрушенных домов, среди умирающих и мертвых. Тут Панглосс потянул его за рукав.

– Друг мой, – сказал он ему, – это нехорошо, вы пренебрегаете всемирным разумом, вы дурно проводите ваше время.

– Кровь и смерть! – отвечал тот. – Я матрос и родился в Батавии; я четыре раза топтал распятие в четырех японских деревнях, так мне ли слушать о твоем всемирном разуме!

Несколько осколков камня ранили Кандида; он упал посреди улицы, и его засыпало обломками. Он говорил Панглоссу:

– Вот беда! Дайте мне немного вина и оливкового масла, я умираю.

– Хорошо, но землетрясение совсем не новость, – отвечал Панглосс. – Город Лима в Америке испытал такое же в прошлом году; те же причины, те же следствия; несомненно, под землею от Лимы до Лиссабона существует серная залежь.

– Весьма вероятно, – сказал Кандид, – но, ради бога, дайте мне немного оливкового масла и вина.

– Как «вероятно»? Я утверждаю, что это вполне доказано.

Кандид потерял сознание, и Панглосс принес ему немного воды из соседнего фонтана.

На следующий день, бродя среди развалин, они нашли кое-какую еду и подкрепили свои силы. Потом они работали вместе с другими, помогая жителям, избежавшим смерти. Несколько горожан, спасенных ими, угостили их обедом, настолько хорошим, насколько это было возможно среди такого разгрома.

Конечно, трапеза была невеселая, гости орошали хлеб слезами, но Панглосс утешал гостей, уверяя, что иначе и быть не могло.

– Потому что, – говорил он, – если вулкан находится в Лиссабоне, то он и не может быть в другом месте; невозможно, чтобы что-то было не там, где должно быть, ибо все хорошо.

Маленький чернявый человечек, свой среди инквизиторов, сидевший рядом с Панглоссом, вежливо сказал:

– По-видимому, вы, сударь, не верите в первородный грех, ибо если все к лучшему, не было бы тогда ни грехопадения, ни наказания.

– Я усерднейше прошу прощения у вашей милости, – отвечал Панглосс еще более вежливо, – но без падения человека и проклятия не мог бы существовать этот лучший из возможных миров.

– Вы, следовательно, не верите в свободу? – спросил чернявый.

– Ваша милость, извините меня, – сказал Панглосс, – но свобода может сосуществовать с абсолютной необходимостью, ибо необходимо, чтобы мы были свободны, так как, в конце концов, обусловленная причинностью воля.

Панглосс не успел договорить, как чернявый уже сделал знак головою своему слуге, который наливал ему вина, называемого «опорто» или «порто».

Глава шестая

Как было устроено прекрасное аутодафе, чтобы избавиться от землетрясений, и как был высечен Кандид

После землетрясения, которое разрушило три четверти Лиссабона, мудрецы страны не нашли способа более верного для спасения от окончательной гибели, чем устройство для народа прекрасного зрелища аутодафе. Университет в Коимбре постановил, что сожжение нескольких человек на малом огне, но с большой церемонией, есть, несомненно, верное средство остановить содрогание земли.

Вследствие этого схватили одного бискайца, уличенного в том, что он женился на собственной куме, и двух португальцев, которые срезали сало с цыпленка, прежде чем его съесть. Были схвачены сразу после обеда доктор Панглосс и его ученик Кандид, один за то, что говорил, другой за то, что слушал с одобрительным видом. Обоих порознь отвели в чрезвычайно прохладные помещения, обитателей которых никогда не беспокоило солнце. Через неделю того и другого одели в санбенито и увенчали бумажными митрами. Митра и санбенито Кандида были расписаны опрокинутыми огненными языками и дьяволами, у которых, однако, не было ни хвостов, ни когтей; дьяволы же Панглосса были хвостатые и когтистые, и огненные языки стояли прямо. В таком одеянии они прошествовали к месту казни и выслушали очень

возвышенную проповедь под прекрасные звуки заунывных песнопений. Кандид был высечен в такт пению, бискаец и те двое, которые не хотели есть сало, были сожжены, а Панглосс был повешен, хотя это и шло наперекор обычаю. В тот же день земля с ужасающим грохотом затряслась снова.

Кандид, испуганный, ошеломленный, изумленный, весь окровавленный, весь дрожащий, спрашивал себя:

«Если это лучший из возможных миров, то каковы же другие? Ну хорошо, пусть меня высекли, это уже случилось со мною у болгар; но мой дорогой Панглосс, величайший из философов, почему было нужно, чтобы вас при мне вздернули на виселицу неведомо за какую вину? О мой дорогой анабаптист, лучший из людей, почему было нужно вам утонуть в этой гавани? О Кунигунда, жемчужина среди девушек, почему было нужно, чтобы вам распороли живот?» Покаявшийся, высеченный розгами, получивший отпущение грехов и благословение, он шел, еле держась на ногах, когда к нему подошла старуха и сказала ему:

– Сын мой, ободритесь, идите за мной.

Глава седьмая

Как старуха заботилась о Кандиде и как он нашел то, что любил

Кандид не ободрился, но пошел за старухой в какой-то ветхий домишко. Она дала ему горшок мази, чтобы натираться, принесла есть и пить и уложила его на маленькую, довольно чистую кровать. Подле кровати лежало новое платье.

– Ешьте, пейте, спите, – сказала она ему, – да сохранит вас Аточская Божья Матерь, святой Антоний Падуанский и святой Иаков Компостельский. Я вернусь завтра.

Кандид, весьма удивленный всем, что он видел, всем, что он выстрадал, и еще более милосердием старухи, хотел поцеловать ей руку.

– Не мою руку надо целовать, – сказала старуха. – Завтра я опять приду. Натритесь хорошенько мазью, ешьте и спите.

Кандид, несмотря на все свои несчастья, поел и уснул. На следующий день старуха приносит завтрак, осматривает ему спину, натирает ее сама другой мазью; потом приносит обед; снова приходит вечером и приносит ужин. На третий день она проделывает то же самое.

– Кто вы? – непрестанно спрашивал ее Кандид. – Почему вы так добры? Чем я могу вас отблагодарить?

Старуха ничего ему не отвечала. Но вот она возвращается

однажды вечером и не приносит ужина.

– Идите за мной, – говорит она, – и не произносите ни слова.

Она берет его под руку и идет с ним в деревню за четверть мили от города. Они приходят в уединенный дом, окруженный садом и каналами. Старуха стучит в маленькую дверь. Ей открывают; она ведет Кандида потайною лестницей в раззолоченный кабинет, оставляет его на парчовом диване, закрывает дверь и уходит. Кандиду казалось, что он грезит; вся его жизнь казалась ему страшным сном, а эта минута – сном приятным. Старуха скоро возвратилась. Она вела, с трудом поддерживая, трепещущую женщину могучего сложения, блистающую драгоценными камнями, покрытую вуалью.

– Снимите с нее покрывало, – сказала старуха Кандиду.

Молодой человек приближается; робкою рукою он снимает покрывало. Какая минута! Какая неожиданность! Ему кажется, будто он видит Кунигунду. Он видит ее на самом деле, это она. Силы оставляют его, он не может произнести ни слова, он падает к ее ногам. Кунигунда падает на диван. Старуха спрыскивает их водой со спиртом. Они приходят в чувство, они начинают говорить друг с другом. Сперва это отрывочные слова, вопросы и ответы, которые перекрещиваются, вздохи, слезы, восклицания. Старуха просит их поменьше шуметь и оставляет одних.

– Как, это вы? – говорил ей Кандид. – Вы живы! Я обрел

вас в Португалии! Значит, вы не были обесчещены? Вам не вспороли живот, как уверял меня философ Панглосс?

– Все так и было, – сказала прекрасная Кунигунда. – Но не всегда эти несчастные происшествия приводят к смерти.

– Но ваш отец и ваша мать убиты?

– Увы, это верно, – сказала Кунигунда, плача.

– А ваш брат?

– Мой брат тоже убит.

– Но почему вы в Португалии? Как узнали, что я здесь? И по какой странной случайности меня привели в этот дом?

– Я вам все расскажу, – сказала она, – но сначала расскажите мне вы все, что случилось с вами после невинного поцелуя, который вы мне дали, и пинков, которые получили.

Кандид почтительно исполнил ее желание; и хотя он был смущен, хотя голос у него был слабый и дрожащий, хотя спину у него ломило, но он рассказал простосердечнейшим образом все, что испытал с мгновения их разлуки. Кунигунда возводила глаза к небу и проливала слезы о смерти доброго анабаптиста и Панглосса. Потом вот что она рассказала Кандиду, который глотал каждое ее слово и пожирал ее глазами.

Глава восьмая

История Кунигунды

– Я крепко спала в своей постели, когда небу угодно было наслать болгар на наш прекрасный замок Тундер-тен-Тронк. Они зарезали моего отца и моего брата, а мою мать изрубили в куски. Огромный болгарин, шести футов ростом, видя, что при этом зрелище я потеряла сознание, бросился меня насиловать. Это привело меня в чувство, я кричала, сопротивлялась, кусалась, пыталась выцарапать глаза этому огромному болгарину, не зная, что все, случившееся в замке моего отца, было делом обычным. Изверг пырнул меня ножом в левый бок; след этого удара до сих пор еще заметен.

– Увы! Надеюсь, я увижу его, – сказал простодушный Кандид.

– Вы его увидите, – сказала Кунигунда, – но я продолжаю.

– Продолжайте, – сказал Кандид.

Она снова принялась рассказывать.

– Вошел болгарский капитан. Он увидел, что я вся в крови. Солдат не обратил на него никакого внимания. Капитан пришел в ярость, видя, что этот изверг не проявляет к нему ни малейшего уважения, и убил его на мне. Потом он приказал перевязать мне рану и увел меня к себе в качестве военной добычи. Я стирала ему рубашки, которых у него было немного, и стряпала. Он, надо признаться, находил, что

я очень хорошенькая; не буду отрицать, что он был отлично сложен и что кожа у него была белая и нежная; правда, ему не хватало остроумия, не хватало философских знаний; сразу бросалось в глаза, что он воспитан не доктором Панглоссом. К концу третьего месяца, прокутивши все деньги и пресытившись мною, он продал меня еврею по имени дом-Иссахар, который ведет торговлю в Голландии и Португалии и страстно любит женщин.

Этот еврей очень привязался ко мне, но не мог меня победить: ему я противилась успешнее, чем болгарскому солдату. Один раз благородная особа может быть обесчещена, но ее добродетель только укрепляется от этого. Чтобы приручить меня, еврей поселил меня в этом загородном доме, где мы сейчас находимся. Раньше я думала, что ничего нет на земле прекраснее, чем замок Тундер-тен-Тронк; я ошибалась.

Однажды, во время обедни, меня заметил великий инквизитор. Он долго разглядывал меня, а потом велел сказать мне, что ему надо поговорить со мной о секретных делах. Меня привели к нему во дворец. Я рассказала ему о моем происхождении. Он объяснил мне, как унизительно для особы моего звания принадлежать израильтянину. Дом-Иссахару было предложено уступить меня монсеньору. Дом-Иссахар, придворный банкир и человек с весом, решительно отказался. Инквизитор пригрозил ему аутодафе. Наконец мой напуганный еврей заключил сделку, по которой дом и я перешли в их общее владение: еврею достались понедельни-

ки, среды и субботы, а инквизитору – остальные дни недели. Полгода уже соблюдается этот договор. Не обошлось и без ссор; частенько они спорили из-за того, должна ли ночь с субботы на воскресенье принадлежать Ветхому Завету или Новому. Что касается меня, я до настоящего времени отказывала им обоим и думаю, потому-то они оба еще меня любят.

Наконец, чтобы утишить ярость землетрясений и заодно напугать Иссахара, господин инквизитор почел за благо совершить торжественное аутодафе. Он оказал мне честь – пригласил туда и меня. Мне отвели отличное место. Между обедней и казнью дамам разносили прохладительные напитки. Признаюсь, я пришла в ужас, видя, как сжигают двух евреев и того славного бискайца, который женился на своей куме; но каково было мое удивление, мой ужас, мое смятение, когда я увидела в санбенито и митре человека, лицо которого напоминало мне Панглосса! Я протирала глаза, я смотрела внимательно, я видела, как его вешают, я упала в обморок. Едва пришла я в себя, как увидела вас, раздетого донага; это зрелище наполнило меня недоумением, трепетом, скорбью, отчаянием. Скажу вам по правде, ваша кожа еще белее и с еще более розовым оттенком, чем кожа моего болгарского капитана, – и это удвоило мои страдания. Я вскрикнула, я хотела сказать: «Остановитесь, варвары!» – но голос мой замер, да и мольбы мои были бы напрасны. Пока вас так жестоко секли, я спрашивала себя, как могло случиться,

что милый Кандид и мудрый Панглосс очутились в Лиссабоне, – один, чтобы получить сто ударов розгами, другой, чтобы окончить жизнь на виселице по приказанию господина инквизитора, влюбленного в меня. Итак, Панглосс жестоко обманывал меня, когда говорил, что все в мире к лучшему. Взволнованная, растерянная, то приходя в неистовство, то почти умирая от слабости, я вспоминала убийство моего отца, моей матери, моего брата, насилие гнусного болгарина, удар ножом, который он мне нанес, мое рабство, мою службу в кухарках, моего болгарского капитана, моего мерзкого дом-Иссахара, моего отвратительного инквизитора, повешение доктора Панглосса, заунывное «miserere», под звуки которого вас секли, но более всего поцелуй, который я вам дала за ширмой в тот день, когда видела вас в последний раз. Я возблагодарила Бога, который вернул мне вас после стольких испытаний. Я приказала моей старухе служанке позаботиться о вас и привести сюда, как только это будет возможно. Она отлично выполнила мое поручение. Я испытываю неизъяснимое удовольствие, видя вас, слыша вас, говоря с вами. Вы, должно быть, страшно проголодались, у меня превосходный аппетит, сперва поужинаем.

Вот они оба садятся за стол, а после ужина располагаются на прекрасном диване, о котором уже было сказано выше. Вдруг входит дом-Иссахар, один из хозяев дома. День был субботний. Дом-Иссахар пришел воспользоваться своими правами и выразить свою нежную любовь.

ВОЛЬТЕР

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

«Случайностей не существует – всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие»

«Чтобы были довольны твои читатели, не будь слишком доволен собой»

«Хорошие характеры, как и хорошие сочинения, не столько поражают вначале, сколько под конец»

«Книги на злобу дня умирают вместе со злободневностью»

«Из произведения писателя следует печатать только то, что достойно чтения. Это мудрое правило привело бы к тому, что было бы меньше книг, а больше вкуса у читателей»

«Я не хочу никого ни восхвалять, ни осмеивать. Я хочу лишь быть полезным»

«Все жанры искусства хороши, кроме скучного, но скука – не жанр»

«Журналы – это архивы пустяков»

«Прекрасно только то, что естественно»

«Соперничество – пища для гения»

«Любовь – это природная ткань, расшитая воображением»

«Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом»

«В слабости мужчин – сила женщин»

«Мужчина должен помочь женщине быть слабой, сильной она может быть и без него»

«Бог создал женщину лишь для того, чтобы приручить мужчин»

«Все противоположности сходятся в сердце женщины»

«Женщина умеет хранить только одну тайну – сколько ей лет»

«Каждый отец семейства должен быть хозяином у себя дома, а не в доме соседа»

«Брак – единственное опасное приключение, доступное даже трусам»

«По моему мнению, брак и его узы – или величайшее добро, или величайшее зло; середины нет»

«Развод столь же стар, как и брак, хотя, впрочем, брак на несколько недель древнее»

«Бурная ревность совершает больше преступлений, чем корысть и честолюбие»

Глава девятая

О том, что случилось с Кунигундой, с Кандидом, с великим инквизитором и с евреем

Этот Иссахар был самый желчный из всех евреев, какие только существовали в Израиле со времен вавилонского пленения.

– Как, – вскричал он, – галилейская собака, мало тебе господина инквизитора? Надо еще, чтобы и с этим разбойником мне пришлось делиться?

Говоря так, он вытаскивает длинный кинжал, который всегда был при нем, и, уверенный, что у его противника нет оружия, бросается на Кандида; но наш доблестный вестфалец получил от старухи вместе с платьем также и отличную шпагу. Хотя он был и кроткого нрава, но тут выхватывает эту шпагу, и вмиг израильтянин падает мертвый на пол к ногам прекрасной Кунигунды.

– Пресвятая Дева! – вскричала она. – Что нам делать? У меня в доме убит человек! Если сюда придут, мы погибли.

– Если бы Панглосс не был повешен, – сказал Кандид, – он дал бы нам хороший совет в этой беде, ведь он был великий философ. Но поскольку его нет, посоветуемся со старухой.

Она оказалась очень благоразумною, но только начала высказывать свое мнение, как вдруг отворилась другая маленькая дверь. Был час после полуночи, начало воскресенья.

Этот день принадлежал господину инквизитору. Он входит и видит высеченного Кандида со шпагой в руке, мертвеца, распростертого на земле, испуганную Кунигунду и старуху, дающую советы. Вот что происходило в эту минуту в душе Кандида и каково было его решение:

«Если этот святой человек позовет на помощь, меня непременно сожгут; то же, пожалуй, будет и с Кунигундой. Он меня немилосердно высек; он мой соперник; раз я уже начал убивать, нечего и колебаться».

Вывод этот был короток и ясен; не давая инквизитору времени опомниться от удивления, Кандид протыкает его насквозь, так что тот валится рядом с евреем.

– Вот и второй! – сказала Кунигунда. – Не будет нам пощады. Нас отлучат от церкви. Пришел наш последний час. Как это вы, от природы такой кроткий, в две минуты убили еврея и прелата?

– Моя милая, – отвечал Кандид, – когда человек влюблен, ревнив и высечен инквизицией, он себя не помнит.

Тут вмешалась в разговор старуха и сказала:

– В конюшне стоят три андалузских коня, там же хранятся их седла и сбруя. Пусть храбрый Кандид их оседлает. Вы, барышня, собирайте деньги и драгоценности. Хотя у меня только ползада, а все-таки живее сядем на коней и поедем в Кадикс. Погода прекрасная, и очень приятно путешествовать в часы ночной прохлады.

Тотчас Кандид седлает трех лошадей; Кунигунда, стару-

ха и он скачут тридцать миль без отдыха. В то время как они были в дороге, служители святой Германдады пришли в дом. Инквизитора похоронили в прекрасной церкви, Иссахара бросили на свалку.

Кандид, Кунигунда и старуха были уже в маленьком городке Авасена посреди гор Сиерра-Морены; в одном кабачке у них произошел такой разговор.

Глава десятая

Как несчастливо Кандид, Кунигунда и старуха прибыли в Кадикс и как они сели на корабль

– Кто это украл мои деньги и бриллианты? – плача, говорила Кунигунда.

– Как мы будем жить? Что будем делать? Где найти инквизиторов и евреев, которые снова дадут мне столько же?

– Увы, – сказала старуха, – я сильно подозреваю преподобного отца кордельера, который ночевал вчера в бадахосской гостинице, где останавливались и мы. Боже меня упаси судить опрометчиво, но он два раза входил в нашу комнату и уехал задолго до нас.

– Увы! – сказал Кандид. – Добрый Панглосс мне всегда доказывал, что блага земные принадлежат всем людям и каждый имеет на них равные права. Кордельер, конечно, должен был бы, следуя этому закону, оставить нам что-нибудь на дорогу. Значит, у вас совсем ничего не осталось, моя прелестная Кунигунда?

– Ни единого мараведиса, – сказала она.

– Что же делать? – спросил Кандид.

– Продадим одну лошадь, – сказала старуха. – Хоть у меня и ползада, я усядусь как-нибудь позади барышни, и мы доедем до Кадикса.

В той же самой гостинице остановился приорбенедикти-

нец. Он купил лошадь за сходную цену. Кандид, Кунигунда и старуха поехали через Лусену, Хилью, Лебриху и добрались наконец до Кадикса. Там снаряжали в это время флот и собирали войско, чтобы проучить преподобных отцов иезуитов в Парагвае, которых обвиняли в том, что они подняли одну из своих орд близ города Сан-Сакраменто против испанского и португальского королей.

Кандид недаром служил у болгар – он показал генералу маленькой армии все болгарские воинские приемы с таким изяществом, ловкостью, проворством, живостью, легкостью, что ему сразу дали командовать ротой пехоты.

И вот он – капитан; он садится на корабль вместе с Кунигундою, старухою, двумя слугами и двумя андалузскими лошадьми, которые принадлежали великому инквизитору Португалии.

Во время этого переезда они много рассуждали о философии бедного Панглосса.

– Мы едем в Новый Свет, – говорил Кандид, – и в нем-то, без сомнения, все хорошо; ведь невозможно не посетовать на телесные и душевные страдания, которые приходится претерпевать в нашей части света.

– Я люблю вас всем сердцем, – сказала Кунигунда, – но моя душа истомлена тем, что я видела, тем, что испытала.

– Все будет хорошо, – возразил Кандид. – Уже и море этого нового мира лучше морей нашей Европы; оно спокойнее, и ветры постояннее. Конечно, Новый Свет – самый лучший

из возможных миров.

– Дай-то бог, – сказала Кунигунда, – но я была так несчастна в нашем прежнем мире, что мое сердце почти закрылось для надежды.

– Вы жалуетесь, – сказала ей старуха. – Увы! Не испытали вы таких несчастий, как я.

Кунигунда едва удержалась от смеха, таким забавным показалось ей притязание этой доброй женщины на большие несчастья, чем те, которые претерпела она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.